КЪЫРЫМ КЪАРАЙЛАР

№ 10 (98)

Бэрген Танърыны йаран.
Дающий богу угоден.

С. Шапшал.

Выпуск посвящен 225-летию выдающегося караимского деятеля Авраама Фирковича (Хаджи-Баба)

Вехи жизни

ФИРКОВИЧ Авраам (Абрахам) Самуилович (1787 – 1874), Хаджи Баба – караимский ученый, археолог, гебраист, путешественник.

Родился в г. Луцке в семье крестьянина. Окончил приходскую школу со званием учителя. По приглашению Крымского духовного правления переехал в Крым. Был священником. Собирал рукописи и археологические материалы. С Кавказа, из Сирии, Палестины, Египта привез ценные древние рукописи. Его коллекции приобрела Императорская публичная библиотека (в 1862 и 1876 гг.).

Изучал древние памятники караимских кладбищ Крыма в т. ч. I-го века н. э.; открыл ранее не известные эры летоисчисления. Член-корреспондент Одесского общества истории и древностей (1840), член-сотрудник Императорского российского географического о-ва (1852), Виленской археологической комиссии (1855). Удостоен Золотой медали «За полезное».

Умер и похоронен в Джуфт Кале на родовом караимском кладбище Балта Тиймэз. После смерти ученого недоброжелатели на личной и религиозной почве обвинили его в подделке части находок. Научные исследования показали несостоятельность этих обвинений. Коллекции А. Фирковича имеют мировое значение.

С. КУШУЛЬ.

Чтобы жизнь
не стала
пыткой,
Опыт
нужен,
а не кнут.
Что дают
иголка
с ниткой,
Папа
с мамой
не дадут.

Константин А. ЕФЕТОВ.

В памяти современников

... страж и патриарх рассказывал с таинственностью и детским восторгом

Евгений Марков. Очерки Крыма. "Картины крымской жизни, истории и природы", С.-Петербург, 1902.

Е. Марков впервые попал в Крым в 1866 году, прожил здесь несколько лет и в дальнейшем многократно бывал в Тавриде. Работу посвятил «крымским друзьям». Очерки выдержали 3 издания — 1872, 1882 и 1902 гг. Автор приводит наиболее полное из известных нам описание встречи с Хаджи Баба Фирковичем.

В одном из полувисячих старинных домов (…) живет Авраам Фиркович, страж и патриарх (...) Мы ехали прямо к Фирковичу, и он ждал нас (…) перед нами явился старец, высокого роста, величавого вида, в костюме настоящего Мельхиседека. Он одет был в длинный хитон, на голове его была белая круглая шапка с широким бархатным околышем фиолетового цвета, что-то среднее между чалмою Шамиля и митрой библейских первосвященников. Опираясь на посох, он твердыми шагами приблизился к нам и приветствовал нас на чистом русском языке. Мы сошли с лошадей и, после обычных вежливостей, отправились, по приглашению старца, осматривать достопримечательности мертвого города.

Продолговатая зала, бывшая когда-то кенаса, служит теперь книгохранилищем Фирковичу. До самого потолка идут полки, тесно набитые рукописями. Даже на полу нет места от них. Все это – фолианты, иногда наполовину истлевшие, свитки пергамента, целые кожи, покрытые письменами.

Вид этих библиофильских сокровищ вселяет почтение. Нужно много веры в свои силы, в свою живучесть, чтобы дерзнуть погрузиться в прах минувших веков, анализировать его и осветить мыслию своего века. Фиркович собирал эти рукописи в разных частях света: в Каире, в Дамаске, в Дербенте, в Вильне [Вильнюс]. Пользуясь своими связями (…) он приобретал иногда такие рукописи, которые переходили по наследству от дедов к внукам, под заклинаниями, как семейная и религиозная тайна.

Ни один европейский ученый не был в этом отношении поставлен так выгодно. Только ревнителю и хранителю древней веры отцов доверялись заповедные сокровища, недоступные для иноверцев.

Только ему открывались таинственные предания караимских старцев, ожидавшие целыми столетиями достойного восприемника. Фиркович созерцал собранные им сокровища, исполненный гордости. Он многоречиво, с юношеским жаром объяснял нам значение наиболее замечательных рукописей и историю приобретения их. Он придавал им громадное значение, которого, конечно, они не могут иметь. Как библиофил, он считал важным научным открытием всякий новый вариант давно известного текста.

Он горячо жаловался, что его неусыпные труды на пользу науки пропадут бесследно, что у него нет помощников и не будет продолжателей. «Мне уже 90 лет, а посмотрите, сколько еще дела!» – горячился он, указывая своею костлявою рукою на пыльные архивы, нас окружавшие…

Живучесть этого ученого старца поистине изумительна. Целые дни и ночи проводит он в этих полутемных сводах, роясь в своих пергаментах, подбирая перепутанные рукописи листок к листку, делая бесчисленные комментарии и выписки. Он читает без очков самый мелкий почерк полинявших пергаментов и пишет замечательно твердо и изящно. Архивная пыль не сушит его, а одушевляет какою-то страстью. Он видит прелесть поэзии и святость долга в своей отшельнической жизни, среди мертвого города, в своей кротовой работе над письменами восточной древности.

Главной заслугой Фиркович почитает открытие древнего Пятикнижия, писанного с помощью совершенно особенных титлов.

Старик рассказывал об этой находке с таинственностью и детским восторгом. Однажды ночью он, по обычаю своему, занимался в библиотеке разбором рукописей и захотел посмотреть, не заключают ли в себе каких-нибудь особенностей древние свитки (…).

«Под полом было много разных книг и ниже всех их древний свиток Пятикнижия. Я благоговейно развернул его и не поверил своим глазам. Пятикнижие это было написано совершенно особенным образом (...) На другое утро я поехал нарочно в Мангуп-Кале, чтобы посмотреть, нет ли таких же титлов на древних надписях гробниц; но не нашел ничего подобного.

Там, на открытом воздухе, чувствуя, что я здоров и не брежу, я убедился в действительности своего открытия…».

(…) Фиркович рассказывал нам также с большим экстазом о своей встрече на Востоке с английскими ориенталистами.

В костюме турка, он списывал где-то в Галилее интересную надгробную надпись на древне-коптском языке. Двое англичан долго присматривались к нему, и наконец нашли спросить, что он делает.

Знакомство старика-турка с древнекоптским языком крайне удивило путешественников, и они просили позволения записать его имя в свои записные книжки.

При имени Фирковича, англичане, оказавшиеся учеными ориенталистами, выказали живейшую радость, уверили старика, что давно знают и уважают его ученые труды и что почитают за особенное удовольствие такое неожиданное знакомство с ним. Старик сиял гордостью, вспоминая о таком эффектном признании его ученых за-слуг ...

Редко можно встретить человека, знающего Священное Писание с такою глубокою основательностью и из первых источников, как Авраам Фиркович. Это истинный мастер своего дела.

Он передавал мне множество замечаний поразительной убедительности, которые, по словам его, он представлял покойному митрополиту Филарету и другим нашим ученым богословам, по поводу перевода Библии на русский язык…

С галереи своей он любуется морем и степью, горами и развалинами древностей. У ног его, как на ладони, Иософатова долина, усыпальница всего его племени в течение почти двух тысячелетий. Охранение древностей Кале, возвеличение его в истории и, если можно, восстановление в нем угасшей караимской жизни – Фиркович сделал просто задачею всей своей деятельности.

На свой счет он нанимает сторожа защищать от расхищения камни и железо мертвого города; он купил на собственные деньги, кажется, восемь опустевших домов, чтобы иметь больше права к поддержанию их.

Он постоянно побуждает бахчисарайских караимов переселяться в [Кале]... Он караим до мозга костей и страстно жаждет поддержки старого караимства во всех его особенностях.

Волк, волк, ходи по следам своих родителей ***Народная мудрость***

Пример жизненного пути А. Фирковича

«Восстановление в Кале угасшей караимской жизни, – пишет Е. Марков (1902), – Фиркович сделал просто задачею всей своей деятельности… По крайней мере [Кале] должен остаться средоточием духовной жизни караимского народа. Здесь караимы начинают учиться божественной мудрости; здесь совершают свои молитвы и обряды… 90-летний патриарх исполнен веры, что вскоре возвратятся в свой древний город и живые его современники».

Эстафету возрождения святыни приняло от Фирковича нынешнее поколение – самое крупное в мире сообщество караев – Ассоциация крымских караимов. В независимой Украине народ получил возможность посещать свою святыню, охранять, приводить в порядок, проводить национально-религиозные мероприятия. Дом Фирковича стал культурным центром возрождения. Здесь создали этнографическую выставку. Проводили встречи, семинары, обучали детей. Стал традиционным и в 2011 году проведен в 15 раз международный трудовой лагерь. Святыня начала оживать, как об этом мечтал Хаджи Баба.

А он мечтал восстановить водоснабжение крепости, в частности, систему Копка Кую, и даже сам расчищал ее, о чем писал М. Фиркович: «… а следовало бы очистить этот Копка-Кую, может быть он с хорошей водой, и тогда Калэ бы осчастливился, находящееся там теперь пустое место освобождено от камней А. С. Фирковичем» (Мелитополь, 1911).

Работу, начатую патриархом, по решению национального съезда (1917) продолжил проф. И.Танатар, но успел провести лишь предварительные исследования. – Помешали гражданская война и последующие события. Уже в наше время проведены основная очистка и исследования. Открыта новая система скрытых горных выработок – выход из грота, бассейны, нижний колодец, получена первая вода из нового колодца.

Порадовало бы А. Фирковича и открытие неизвестного ему подземного хода Ашырын йол (Скрытый путь) уникальной гидротехнической системы, не имеющей близких аналогов. Его оборудовал для посещения центр спелеотуризма «Оникс-Тур».

Среди ценнейших работ А. Фирковича – открытия, сделанные при исследовании караимских некрополей, нашедшие отражение в его ценной книге «Авне Зиккарон» – «Камни памяти». Его внук М. Фиркович уже после смерти деда, отметил необходимость продолжить в память о прародителях исследование Балта Тиймэз, где оставались тысячи не изученных памятников, и привести некрополь в порядок.

В наше время это пожелание сбылось. Пять лет велась инвентаризация. Ежегодно участники традиционного трудового лагеря убирают кладбище. В 2011 г. подняты и установлены десятки надгробий, поваленных вандалами и сползших с крутых склонов. Впервые задокументированы разнотипные орнаменты и сделаны новые интересные открытия.

А. Фиркович не чурался физического труда, участвовал в кладке стен, расчистке водоводов, накопителей воды, в том числе бассейнов, наливных колодцев, упорядочении дренажных канав, канализационной системы. Подобную работу вели и Дубинские при проживании в крепости.

По мере возможности эту деятельность продолжают в наше время члены Ассоциации «Крымкарайлар»: они расчистили ряд бассейнов, наливные ёмкости, водоводы, дренаж и стоковую систему дома Фирковича и т.д.

ЭКЦ «Кале».